

Сургучев И. В.В. Лужский // Возрождение (Париж). 1931.

11 июля. № 2230. С. 2.

В. В. Лужскій

Наши отцы говорили:

— Мы учились в Московскомъ Университетѣ и воспитывались в Московскомъ Маломъ Театрѣ.

Наше покоевнѣ, учившееся в Московскомъ и в иныхъ российскихъ университетахъ, воспитывалось в Московскомъ Художественномъ Театрѣ.

Московский Художественный Театръ, нашъ безспорно призванный перламутромъ мировымъ театромъ, былъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ краеугольнымъ камнемъ русской духовной культуры.

Возвращаясь подъ влажнымъ мессингенцевъ, онъ скоро опередилъ своихъ учителей, вышелъ на собственные просторы и сдѣлалъ Максъ Рейнгадтъ актераго приѣзжающаго изъ Берлина, чтобы не пропустить ни одной премьеры.

Художественная платформа театра, его художественный символъ жизни, заключалась въ слѣдующей формулѣ, опредѣленной В. И. Немировичемъ-Данченко:

— Реализмъ, отточенный до символизма.

Убловая работа театра сводилась къ самодержавной дисциплинѣ. Така, было то: никто въ театрѣ не смѣлъ думать о пьесѣ, принятая въ по-

становкѣ, вплоть до перваго ея представленія.

Это были основы, на которыхъ покончалась художественная работа театра и гдѣ руководителемъ театра отсутствиемъ не являлся.

В. В. Лужскій вѣкъ первахъ пятидесяти репетицій пьесы "Осеннихъ Скрипокъ" и однажды телеграммой вызвалъ меня изъ Петербурга.

— Дорогой мой, не идетъ одна сцена...

И вышелъ въ работу, изучилъ всѣмъ, но днѣи и, все таки, желаннаго результата не получалось.

— Просто сцена плохо написана, — зашѣлѣлъ я въ коннѣ понтона.

— Что-съ? — вѣжливо, но настороженно спросилъ Лужскій.

— Сцена плохо написана, не отчетливо, не рельефно, — повторилъ я.

— Не хотите ли на этикъ сказать, что театръ принялъ пьесу, въ которой имѣются плохо написанныя сцены.

— Возможно.

— Дорогой мой, убирую васъ: люди, сумѣвшие создать Художественный Театръ, умѣли разбираться въ томъ, что они принимаютъ къ постановкѣ. Айдате въ нашъ великодушный Петербургъ и сидите тамъ до слѣдующаго вызова.

Въ тотъ же вечеръ онъ выпроводилъ меня въ Петербургъ. Правда, на прощанье мы вмѣстѣ съ нимъ пообедали у Тьстова, онъ подарилъ мнѣ коробку чудесныхъ шведскихъ роуль, но "простилъ грѣхъ" только мѣсяца черезъ полтора.

Пятидесять первую репетицію В. И. Немировичъ приказалъ вынести на большую сцену. Это была первая генеральская "смотръ".

Сѣлъ въ шестой рядъ, много курить и все время молчалъ.

По окончаніи репетиціи, потрогалъ бороду, собралъ актеровъ и сказалъ:

— Завтра въ частъ. Все — сначала и заново.

И обидный Лужскій не проронилъ ни одного протестующаго или осуждающаго звука. Теперь уже я угощалъ его у Тьстова и дарилъ ему розы отъ Ноева.

Художественный Театръ родился не тогда, когда съ блескомъ и громаднымъ успехомъ прошель на его "открытіи" "Царь Федоръ Ивановичъ". Художественный Театръ родился въ ту исключительно страшную минуту, когда опустился занавѣсъ послѣ третьяго акта на премьерѣ "Чайки".

Третья основная сила театра заключалась въ его непрерывающейся смѣлости. — "Чайка" провалилась въ Петербургѣ. Чеховъ въ отчаяніи пробѣгалъ всю ночь по городу, ожидал перваго поѣзда въ Москву, не желая даже на минуту зайти въ гостиницу. Вновь ставить провалившуюся пьесу, "обреченную" пьесу, ста-

вить ее въ началѣ своей только начинающейся карьеры, — на это могъ рѣшиться только дерзкій, вѣрившій въ свои силы, молодой театр. Это была проба, связанная съ огромнымъ рискомъ. Будетъ успехъ — будетъ театр. Не будетъ успеха — сматываемъ удочки.

Третій актъ — всегда "рѣшающій". Занавѣсъ опустился. Въ залѣ гробовое молчаніе. Барта бита. На глазахъ у актеровъ появляются слезы, слезы горя, не обременнаго труда и разбитыхъ надеждъ.

И вдругъ, по ту сторону рубикона, — разрывается громъ: театръ единодушно рукоплещетъ.

— Христосъ Воскресе, господа!

Это крикнулъ В. В. Лужскій, — и въ эту минуту родился нашъ великій и несравненный театр. Въ эту же минуту родился великій российский драматургъ А. П. Чеховъ, совершенно оправданшій отъ петербургскаго, пристрастнаго лица не понимашаго суда.

В. В. Лужскій происходилъ изъ купеческаго сословія и былъ человекомъ самостоятельнымъ. Въ одномъ изъ Арбатскихъ переулковъ у него была комната, похожая на маленькій дворецъ, построенный фасадомъ во дворѣ, внутреннимъ убранствомъ напоминавшій чѣмъ то декорации скандинавскихъ шпесъ. Девизомъ его былъ:

— Dignus parva, quies — magna.

Въ кабинетѣ на самомъ почетномъ мѣстѣ стояла мебель сцены Художественнаго Театра. Полъ былъ разграфленъ на квадратики. По этимъ квадратикамъ Луж-

скій передвигалъ свои персонажи, какъ шахматныя фигуры, и устанавливалъ ихъ занесями.

Хозяиномъ онъ былъ московскимъ, радужнымъ и придерживался пословицы: "все на столѣ мечи, что есть въ печи" и я, какъ сейчасъ вижу А. Н. Бенуа, который, обѣдая, все время приговаривалъ:

— Боже мой, какъ ѣдить въ этомъ городѣ, какъ ѣдить!

Все въ жизни у Лужскаго сводилось къ Чехову:

— Василий Васильевичъ! Сколько нужно дать плотникамъ на чай?

— Чеховъ давалъ сто рублей.

Въ чемъ было главное обаяніе Художественнаго Театра?

Онъ давалъ людямъ радость. Онъ былъ родоначальникомъ радости. Не было человека, который прѣвѣщалъ въ Москву и который хотя бы одного вечера не посвятилъ Художественному Театру. Въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи, въ самыхъ недвижныхъ захолустьяхъ мечтали хоть однимъ уголкомъ глаза, хотя бы стонъ на ногахъ весь вечеръ, посмотреть "Трехъ Сестеръ".

Бывало, что вся черновая кропотливая работа уходила на смарку, все создавалось заново, возводились новыя стѣны, новыя линии и тогда В. В. Лужскій говорилъ:

— Ну что-жъ! Все ушло, а радость осталась. Что цѣнно въ жизни? Радость, омывавшая сердце человека. И чѣмъ

больше этой радости, тѣмъ счастливѣе и долговѣчѣе человекъ.

Какъ то утромъ я еще лежалъ въ постели, когда надъ ухомъ зазвонилъ телефонъ, — внутренний телефонъ "Метрополя".

— Вы еще валлетесь? — послышался голосъ Лужскаго.

— Да.

— Слушайте. Нехорошая новость изъ Петербурга.

— Что такое?

— Умерла Марья Гавриловна Савина. Лужскій знаетъ, что тему "Осеннихъ Скрипокъ" дала мнѣ Савина, онъ знаетъ, какъ я любилъ и цѣнилъ эту актрису, онъ знаетъ, что мнѣ было больно, — и добавивъ:

— Когда-нибудь вотъ также вамъ позвонитъ по телефону и скажутъ: умеръ Василий Васильевичъ Лужскій. И вы тогда подумаете, что умеръ человекъ, знавшій много радости, и умеръ потому, что радости стало меньше... Или совѣтъ ея не стало...

Никто по телефону мнѣ не звонилъ, а прочитавъ я о его смерти въ газетѣ. Изъ набережная Ниццы, было солнечно, светло, просторно въ небѣ и въ морѣ и вдругъ вся эта радость до самой послѣдней мелкой мысли ушла изъ сердца. И я подумалъ:

— Неужели же не осталось радости даже въ Художественномъ Театрѣ?

Вѣдь Лужскій былъ не старъ. Ему не было даже шестидесяти лѣтъ.